

38. ТРАВА

Народ в рифму утверждает, что нет таких трав, чтоб узнать чужой нрав. Тут народ ошибся. Есть такие травы! Они растут в Беларуси: овсяница луговая, овсяница красная, мятлик болотный, полевица обыкновенная, одуванчик, ромашка аптечная... Их можно увидеть на лугах, в речных долинах, на озерных берегах, на лесных полянах, по обочинам дорог... Они повсеместны, обыденны. Они — СУТЬ РАЗНОТРАВЬЯ, которое определяет лицо Беларуси, представляет главное природное богатство страны, выдает суть власти и нрав народа.

ВНИМАНИЕ! Чтобы перечисленные травы проявили свою чудодейственность, заваривать и пить их нет необходимости. Нужно просто скосить эти травы и скормить домашнему скоту. Тут и начинаются наши чудеса.

Лето 1999 года в Беларуси было жарким, скупым на дожди. Трава отреагировала: до середины мая росла-зеленела, а после — пожухла, не обеспечила укуса. Колхозные коровы на зиму остались без сена, силоса, сенажа. Чтобы не сдохли от бескормицы, их принялись резать.

Катастрофический убой предотвратила власть, приказав отвезти голодных коров туда, где, несмотря на "плохое лето", заготовили корма, — на запад республики. Западники успели снять с лугов не только первый укос в начале мая, но и второй — в начале июня, вовремя подкормив траву. У них есть и другие нехитрые секреты заготовки кормов, но я углубляться в кормопроизводство не хочу, поскольку пишу не инструкцию о передовом опыте, а эссе.

Инструкции-травники без толку сочиняет министерство сельского хозяйства и продовольствия. Государство в поисках травы перевозит туда-сюда тощих коров, после чего везет на совещания по выращиванию травы жирных начальников. Рекогносцироку разнотравья производит с вертолета главком всех колхозов. В суете не слышно, что просит и что обещает трава. Тот, кто станет пред ней на колени, тот поймет, что надо делать. Жарким летом 1999-го запаслись кормами не только западники, но и те восточники, которые не поленились слушать траву. Они поделились кормами с соседями, проспавшими косовицу.

УТОЧНЕНИЕ. Трава и сон не противоречат одно другому. Наоборот, сон в траве либо на сене так сладок! В цветущее разнотравье рядом с яркими лицами ромашки и одуванчика органично вписывается усталое лицо косаря, прилегшего отдохнуть. Трава растет, даже когда спит человек. Он отдыхает

для того, чтобы встать, подкрепиться хлебом с колбасой, припасенной специально для косовицы, наточить косу и продолжить косить траву.

Трава, которую не косят, плохо растёт, превращается в трин-траву. Человека, отравленного трин-травой, окутывает крайнее равнодушие, ему все нипочём: солнце, дождь, разнотравье, собственные дети, родная мать.

Итог лета 1999-го — уменьшение стада не только общественного, но и личного. Количество коров на подворьях сократилось в большей пропорции, чем на колхозных фермах. В республике немало деревень, где личное стадо уменьшилось наполовину. Это национальная трагедия. Нищие старики и старухи лишились фабрик по производству молока, сметаны, масла, сыра.

Без коровы-кормилицы престарелая деревня обречена голодать. То же грозит не менее нищему городу, тянущему из деревни сумки с продукцией домашних масло-сыркомбинатов. Откуда тянуть теперь? ВНИМАНИЕ! Городу — хоть трава не расти в родной деревне, где доживают немощные родители, где барахтается колхоз, получая от государства то безвозвратную ссуду, то грубую угрозу, то бесплатный трактор, то глупую инструкцию. Колхоз барахтается, однако помогает старикам решить две главнейшие проблемы Беларуси — вырастить картошку и накосить сена. Да здравствует вышеупомянутый трактор! А трактористу — бутылка от каждого дышащего старика.

Если бы ликвидировать колхозы, то наступил бы мор дедушек и бабушек. Как не похвалить государство, поддерживающее в колхозе функцию собеса! Я могу подсказать президенту, как добиться победы на выборах 2001 года. Нужно немедленно восстановить крестьянское стадо. Заставить председателей колхозов бесплатно передать старикам телят, чтобы к президентской кампании успели превратить их в фабрики и комбинаты. Когда осиротевшие сараи оживут голосами коров, тогда президенту вновь отдадут свои голоса деревня и город, привыкшие к колхозу-собесу и летом 1999 года палец о палец не ударившие, чтобы накосить своим коровам травы.

Деревня Затупка обосновалась на реке. Над рекой стоит сарай бабушки Лены, жилище коровы Зорьки. По ту сторону реки лежит луг, за ним кусты, болотце, лес. По эту сторону реки летом 1999-го сыновья бабушки Лены, приезжая из близкого Минска на выходной, удили рыбу, пили самогонку, загорали, смотрели, как по ту сторону колхоз косит луг. Председатель пообещал бабушке Лене: первый укос — в колхоз, второй — вам.

Вот они и ждали второго укоса: бабушка, три ее сына от тридцати пяти до пятидесяти лет, зять, живший в соседней деревне, трое внуков от пятнадцати до двадцати пяти лет. Второго укоса луг не нарастил. Чтобы не

сгорела жидкая травка и не пропала почем зря, председатель запустил на нее колхозное стадо, а бабушке Лене пообещал: если пойдет дождь и вырастет трава — третий укос ваш.

Дождь не пошел. Наступил октябрь, последний пастбищный месяц. Зорька вошла в зиму без клочка сена. В ноябре на бабушкину усадьбу приехал грузовик и увез Зорьку на базу. И бабушка Лена, а также ее дети и внуки остались только со своей картошкой да с порошковым полуторапроцентным государственным молоком.

Ну как же так?! Ведь, повторю, деревня Затупка обосновалась на реке, а за рекой лежал луг, за ним кусты, болотце, лес. Ладно, луг как удобный сенокос присвоил себе колхоз. А кусты, болотце, лесные лужайки, куда колхоз не подумал соваться, но где буйствовала ТРАВА? А придорожные кюветы, заросшие мелиоративные каналы, заброшенные сады, покинутые усадьбы, прочие неудобья, где в мае ТРАВА стояла по пояс, просилась под косу, да не дождалась семерых здоровых и сильных мужиков (трех сынов, зятя, трех внуков бабушки Лены), опала, свилась в рыжий грязный колтун?

Гарантии сытости для Беларуси заключаются в том, что здесь при любой погоде РАСТЕТ ТРАВА. Где-нибудь да обязательно обрадует работающего человека и при наводнении и при засухе. Перспектива голода для Беларуси в том, что ее сельскохозяйственный климат формируют не солнце, ветер и дождь, а неумная власть. Превратив колхозы в примитивные собесы, власть отучила их производить продовольствие, установила там атмосферу всеохватной беспечности. В такой атмосфере трава не растет, а человек опускается. Трава растет, если растет человек.

В 1973 году, в февральской книжке журнала "Неман", я напечатал большой очерк "Расти, трава!" Заголовок выражал облегчение и счастье: партия и правительство РАЗРЕШИЛИ ТРАВЕ РАСТИ. До того, в шестидесятых годах, траву проклинали, судили, выкорчевывали, с травопольщиками (академик Вильямс и его сторонники) расквитались. Никита Хрущев провозгласил курс на коммунизм, марионеточные ученые-аграрии — курс на пропашную систему земледелия.

Древняя трава противоречила идее ускоренного развития социалистического общества. Посему разнотравью не оставили места ни в лугах ни в сердцах — и великая держава положила зубы на полку. Чтобы обнадежить население, Никиту Хрущева заменили на Леонида Брежнева, вставили ему челюсть, и в отчетном докладе XXIV съезду КПСС (1971) он витиевато провозгласил курс на траву:

“Со всей остротой перед нами стоит и такая важнейшая проблема сельского хозяйства, как дальнейший подъем животноводства. Для бесперебойного снабжения населения наиболее ценными продуктами питания, удовлетворения в них растущего спроса советских людей в новой пятилетке должен быть сделан крупный шаг вперед в этой области... Важной задачей остается улучшение и более полное использование лугов и пастбищ...”

В семидесятых годах СССР, построив развитой социализм, строил КУЛЬТУРНЫЙ ЛУГ. Природный луг осушили, перевернули плугом, засеяли травой, огородили. В Беларуси перепахали заливные луга (за исключением поймы Припяти, где проект не успели осуществить из-за смертельной болезни Советского Союза). На неокрепшую пересохшую дернину (природа формирует ее век) в нетерпеливом предвкушении травы запустили скотину, косилки. Деланные луга, изрытые колесами и копытами, потянулись в небеса шлейфами пыли, которые унесли наше мясо и молоко. Травы-травы луговые, мы без вас полуживые.

Разрушив издревле щедрый луг, заменив разнотравье монотравой, строители коммунизма разрушили устойчивую среду. Для регулярного ремонта (подсева) нового луга требуются тысячи тонн семян. Их нет, развитое семеноводство трав не создано. Не удалось вернуть на луг воду из спрямленных речек: сплыла в океан. Вместе с половодьем луг покинуло естественное плодородие, минеральными удобрениями его не восполнили. Беларусь превратилась в зону рискованного травостоя. Нет травы, есть лишь научно-исследовательский институт со зловещим именем: МЕЛИОРАЦИЯ И ЛУГОВОДСТВО.

На культурном лугу белорусы разучились ... пасти коров. Погляди — и ужаснись, мой современник: пыльная засохшая грязь, торчат жесткие веники рыже-зеленой тимофеевки, вылезшей из коровьих куч; сверхстадо, огражденное электропастухом, плотно сбитое, не шиплет траву, а топчет, перемальвает в труху; жужжат мухи диковинных расцветок, роятся над замызганными коровами, от вида которых хочется плакать.

Но — гляди: за электрической изгородью на густой мураве сидят два мужика-пастуха, не плачут, а гогочут, режутся в дурака. Колхозно-пастушья пастораль! Хоть бери да сочиняй буколики. Но творческую инициативу перехватил батька, воспринимающий пастбище как избавление от всех проблем. Зимой 1999-2000, запретив колхозам резать слабейших коров, поставив продовольственную задачу а ля Брежнев, он начертил белорусскую идиллию: сохранить коровьи кости до весны, вывести на траву — и мясо на тех костях нарастет, и молоко потечет из четырех коровьих источников.

Весной 2000-го в хозяйствах выгнали коров на пастбище, когда в лесу еще лежал снег. И природа отомстила. Налетел ветер, ударил град, закрылось солнце. Коровы испугались, ринулись из холодного пастбища в коровник. Путь перерезал полноводный после зимы канал, мосток был узкий. Животные сыпались в воду и тонули. Коровы — хорошие пловцы, но после голодной зимы у них не было сил выплыть. Утонули 86 голов. Об этом писали газеты.

А в другом колхозе из пустого пастбища, испугавшись ненастья, побежали доходяги-телята, столпились в дверях телятника и насмерть передавили друг друга.

А в третьем колхозе на промозгом ветру коровы простудились, смертельно заболели, пошли под нож, так и не нарастив на костях мяса, запланированного на высшем уровне.

А летом 2000-го пастбище пылит как всегда. Время сплывает водою, но не зарастает травой. И продолжаются чудеса. Траву на ферме заменяют хвойными ветками, мясо в колбасе — крахмалом, молоко в ежедневном рационе — водкой. Резюме, зафиксированное мною без малого тридцать лет назад, насущно и злободневно:

“К концу нынешней пятилетки колхозам и совхозам республики предстоит довести среднегодовой надой молока от каждой коровы до трех тысяч килограммов. В 1971 году надоено от коровы в среднем 2223 килограмма. В республике падает ежегодный прирост валового производства молока. Если в 1966-1968 годах он составлял десять-одиннадцать процентов, то в 1969 — шесть, в 1970 — только два процента прироста. В 1971 году допущено снижение производства молока на два процента.”

В 1999-ом от колхозно-совхозной коровы надоено в среднем 2232 килограмма — на ведро больше, чем в 1971-ом. Нет молока, когда трава делается жвачкой красующихся политиков, а не высокоудойных племенных коров.

Супер-культурный лужок Беларуси строят вокруг городской резиденции президента. Я проходил мимо и сделал поразившее меня открытие: трава тут растет из рук вон плохо. Со стороны улицы Красноармейской, под редкими обрубленными снизу (чтобы демаскировать террориста) деревьями вдоволь солнца, насыпан питательный торф, а вместо зеленого травяного ковра — грязные плешки.

Каждый год привилегированный газон подсевают импортными семенами, все лето поливают, подкашивают, подкармливают. Прапорщик

днем и ночью следит, чтобы гражданин на избранную траву не ступил, не плюнул, не бросил бумажку либо окурок. А трава — не растет.

Художник Алесь Пушкин пытался исправить ход вещей, прикатил к резиденции тачку навоза, чтобы народным средством помочь траве укрепиться, споро зазеленеть. Не позволили. Выскочила охрана, скрутила Пушкину руки, тачку с навозом куда-то увезла.

Явная демаскировка! Прапорщик, прощупывающий вас взглядом, весь зеленый, а трава — грязно-коричневая. Чтобы обеспечить безопасность, надо прапорщика припылить, одеть в хаки, цвет грязи. Раз природа изменила изначальный цвет — надо приспособливаться под новую природу. Раз трава не растет даже в главном месте государства — вряд ли вырастет в местах второстепенных.

Ближний Восток опустынили безмерно расплодившиеся домашние козы, обглодавшие траву, кусты, лесной подрост. Беларусь превращают в бесплодные хаки коровы и свиньи Союза, не существующего де-юре с 1991 года, но де-факто живущего и жующего.

СССР жив, пока живет несоразмерное стадо, направленное им в Беларусь. Даже поредевшее, оно несет угрозу стране пребывания. Траву оно трансформирует не в молоко и мясо, а в пыль и грязь, человека — в пастуха-недотепу, госначальников — в заводных роботов, твердящих о мясо-молочной специализации Беларуси. Коммунистическая политика, определившая белорусов в скотники, не дала выращивать то, что у них хорошо растет (раньше росло) и окупается, — лен, картофель, рожь, овощи...

Оккупационное стадо топчет Беларусь, а на аграрном совещании весной 2000-го президент поставил задачу: надо восстановить численность коров и свиней до советского уровня, надо заполнить опустевшие фермы СССР. Под мясо-молочную идею Петр Машеров провел в Беларуси "мелиорацию", Ефрем Соколов — понастроил коровников и свинарников, Александр Лукашенко — ввел в сельхозоборот чернобыльские угодья.

Что произойдет, если по экстенсивной инерции будет увеличено поголовье малопродуктивного стада? Луга и пастбища из стадии степи перейдут в стадию пустыни. Пашню придется занять зернофуражем и однолетними травами, не покинув места и шанса продовольственным культурам. Беларусь так и будет кормить гигантское стадо, но не белорусов. СССР, действуя из того света, сведет на нет траву и нацию. Вот и все, мой братка, из тебя растет трава, не качай свои права, не нарушай порядка, пусть травица укрепится, разнотравьем возродится.

Всякая могила травой зарастет. Так говорит народ. Народная мудрость вселяет надежду, что травой зарастет и могила империи, искромсавшей территорию и судьбу Беларуси. Трава прорастает асфальт и железобетон, прорастет и твердолобость "интеграторов", пытающихся под флагом "союзного государства" восстановить имперское разделение труда. Свобода придет, когда белорусы сами решат, где будут пашни, где луга и пастбища, сколько скота и сколько заводов держать в своих пределах.

Суверенитет страны начинается с суверенитета травы. Расти и красуй, белорусское разнотравье: овсяница луговая, овсяница красная, мятлик болотный, полевица обыкновенная, одуванчик, ромашка аптечная...

2001

www.kamunikat.org